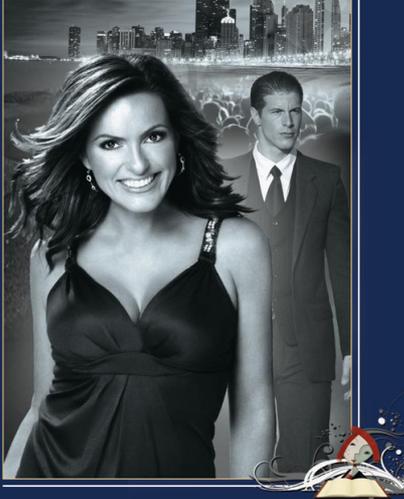

ЕЛЕНА
ЦАЛОВА

За облаками — солнце

Елена Чалова

За облаками – солнце

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593975

*Чалова Е. За облаками – солнце: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4883-4*

Аннотация

У Лары прекрасная семья, интересная работа, размеренная, благополучная жизнь. Но иногда ей словно не хватает солнца, на нее нападает непреодолимая скука, ее тянет из дому (видно, пошла в отца, бродягу-геолога), и тогда она бесцельно бродит по городу или позволяет себе «скоропостижное» сексуальное приключение... На корпоративной вечеринке, куда ее пригласил новый знакомый, Игорь, она узнала, как живут и развлекаются очень богатые люди. Красивая, воспитанная женщина с хорошим вкусом, она произвела на них более чем благоприятное впечатление и... получила от Игоря предложение руки и скорее кошелька, чем сердца. Вот тут-то и пришлось ей подумать, где искать свое солнце, как жить дальше и с кем...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Чалова

За облаками – солнце

Глава 1

Все началось с конфликта.

Наверное, многие вещи в этой жизни начинаются именно так. Кое-кто утверждает даже, что наша Вселенная стала результатом столкновения двух частиц. Короче, конфликтнули два булыжника – и пошло-поехало. А может, та глупая история в школе только подтолкнула Лару к переменам, которые были давно желанны, но все как-то не случались, ибо быт и рутина засасывают, да еще как! Вроде хочется женщине нового, и она отчетливо понимает: пора что-то менять! Но то нет денег на новую прическу, то страшно бросить работу – а найдешь ли лучше? То просто соображения меркантильного характера сведут на нет порыв к неизведанному. Жизнь Лары давно налажена, и менять ее страшновато. Но иной раз внутри словно натягивается струна – жажда нового требует хоть какой-нибудь отдушины, полета, приключения. И тогда она обязательно что-нибудь придумывает, но без экстрима, чтобы не поломать отлаженный механизм будней. Всплески Лариного авантюризма в последнее время носили вполне мирный характер: вдруг позвать гостей и устроить всем японский ужин – подать рыбу, рис, соевый соус, морепродукты и попрыгать все вилки. Сегодня едим только палочками! Или проколоть пупочек и сделать пирсинг. Родная мама, увидев летом сережку в пупочке дочери, не разговаривала с ней неделю и жаловалась соседке:

– Хоть бы она сына постыдилась! Ему четырнадцать лет, что он о матери подумает? Нет, она иногда ведет себя как отец – ни руля, ни ветрил.

Сын на сережку отреагировал спокойно, муж тоже, и Лара не могла понять, что так раздражает маму. Так вот, о конфликте. Вообще-то Лара человек компанейский и неконфликтный. Она умеет ненавязчиво тусоваться и является вполне уважаемым и заслуженным членом педагогического коллектива английской спецшколы, куда устроилась учительницей давным-давно, окончив вечерний педвуз, чтобы быть поближе к сыну Даниле, который в детстве часто болел. Работа ей нравилась, дети ее любили, коллеги уважали, хоть завуч иногда и проходила по поводу внешнего вида «некоторых наших молодых коллег». Построже бы надо, посдержаннее – а то брючки слишком обтягивающие, блузочка не маловата? И кто же носит браслет на ноге, может, он у вас сполз? Ах, теперь все так носят? Ну, насчет все это вы... не может быть? Жена Николая Ивановича, замзав районным отделом департамента образования? Ну, знаете... Завуч пожимала плечами, затем вспоминала, что Лариса Тимуровна уже написала в этом году две методички и теперь готовит спецкурс для старшеклассников, и отступалась, думая: «Да пусть хоть кольцо в нос вставит». И Лара рассказывала коллегам о содержании предполагаемого спецкурса «Основы делового английского» (сейчас это актуально, все хотят уметь писать деловые письма, и родители млеют, когда их чада важно заявляют, что вполне в состоянии вести переговоры на языке международного общения). Завуч, кивая и улыбаясь, размышляла о том, что спецкурс надо бы сделать платным, а то ишь ты, деловой английский на халяву – этак родители совсем расслабятся.

Учительницей Лара стала, как ни смешно, ведомая искренним желанием сделать жизнь детишек интересней и лучше. Движущей силой во многом явилось воспоминание о собственной русичке и твердое убеждение Лары, что так не должно быть.

Десятиклассница Лариса тогда чуть не вылетела из школы. Времена были смутные, и никто толком еще не понимал, что можно, а чего нельзя, но по старой памяти многие предпочитали перестраховываться. Лиана Андреевна, преподаватель русского языка и литера-

туры, жила в том же подъезде, что и Лара с мамой. Честно говоря, она жила здесь и до них – дом был старый, сталинский, и папе Лианы, профессору университета, дали в нем квартиру в незапамятные времена. Мама не работала, потому что нужно было заботиться о муже, создавать ему условия для научного творчества и, само собой, присматривать за Лианочкой. Девочка росла не особенно красивой, но очень романтичной. Мама научила ее аккуратно и женственно одеваться и незаметно привила дочери любовь к поэтам Серебряного века. Вместо колыбельных и сказок, на ночь она всегда читала девочке стихи. А уж потом та сама находила небольшие, переплетенные в бархат, кожу или просто в картон томики на полках книжных шкафов и читала, читала, уносясь девичьими грезами куда-то в сладко-томную даль. Но то было вечерами, в большой и ухоженной родительской квартире, под мягким пледом при свете волшебной лампы. Эту лампу девочка любила больше всех игрушек. Кто-то привез ее отцу в подарок из Чехословакии. Купол лампы на тяжелой бронзовой ножке был выполнен из разноцветного стекла. Красные, оранжевые, желтые, охристые стеклянные жгуты, выпуклые, неровные, переплетались, образуя нечто вроде яйца. Лампа на всех производила сильное впечатление. Не было человека, которого не тянуло бы потрогать ее стеклянно-гладкую, и при этом неровную поверхность. А уж если ее зажигали – комната озарялась невероятным многоцветно-золотистым светом, и тени кружились и принимали причудливые формы гарцующих всадников или прекрасных дам; юного поэта в длинном плаще с растрепанными волосами или замка на горе, где томится она, молодая и полная грез и предчувствий.

Но стоило девушке Лиане выйти за порог родительской квартиры, как она попадала в черно-белый мир. Здесь смеялись над романтикой и не хотели слышать о Бальмонте. И молодежь, и люди средних лет полнились задором и оптимизмом, и невозможно было представить себе, что кто-то из окружающих дома читает стихи при свете волшебной лампы, и Лиана скрывала эту свою привязанность, как позорную слабость. Она шла по жизни, глядя вокруг широко раскрытыми глазами и свято веруя в истинность и праведность окружающего мира. Нет иной правды, кроме той, что сообщают в программе «Время», и честнее слов, произнесенных на комсомольском собрании комсоргом с горящими глазами.

Родители, живущие вне строительства коммунизма, казались девушке динозаврами, она их почти стыдилась и никогда не приглашала приятелей и одноклассников домой.

Иной раз, слушая речи дочери за ужином, отец, щуря близорукие глаза, говорил:

– Веточка, ну так же нельзя. Детка, ты уже взрослая, а взрослый человек должен уметь различать полутона.

– Зачем? Чтобы впасть в буржуазный маразм, как вы с мамой? Да мне приятелей стыдно домой пригласить: мама сюсюкает над нами, как над младенцами! Сейчас так никто не разговаривает: «Прошу вас, извольте, помилуйте». Просто помещики какие-то!

– При чем здесь «извольте»? – Отец откладывал салфетку и с недоумением взирал на дочь. – Что плохого в воспитанности и интеллигентности? Все не могут работать на комсомольских стройках, кто-то должен сохранять культуру нации, ее литературное и творческое наследие, чтобы оно дошло до следующих поколений, которые, возможно, будут менее увлечены копанием в земле и выращиванием кукурузы и вспомнят о том, что человеку свойственно еще и мыслить!

– Андрюша! Что ты говоришь! – Глаза матери наполнялись слезами, и муж покаянно умолкал, сердито поглядывая на дочь. Та фыркала, а иной раз и уходила из столовой, хлопнув дверью.

Мать, чьи родители сгинули в лагерях и которая боялась всего, даже собственную дочь, вздрагивала и смотрела на мужа полными слез глазами. Андрей Михайлович снимал очки, устало тер лицо ладонями и старался успокоить жену. Иной раз он все же говорил:

– Мамочка, ну давай попробуем ей хоть что-нибудь объяснить. Она ведь неглупая девочка, должна понять, мне кажется. Дадим почитать... хотя бы письма твоих родителей.

Но жена лишь с ужасом смотрела на него или начинала плакать:

– Она не поверит. Знаешь, я иной раз думаю, что если она найдет что-нибудь из книг... или писем, то донесет на нас.

– Ну что ты, право! Она же наша дочь! Да и потом, сейчас ведь не тридцать седьмой год, а пятьдесят девятый, и книги эти... непопулярны пока, да. Но уже не столь опасны, как прежде.

Как-то раз после очередного скандала, когда отец категорически запретил Лиане работать в стройотряде, который летом собирался строить что-то в районе Уральских гор, глядя вслед сердито хлопнувшей дверью дочери, жена тихо сказала:

– Знаешь, Андрюша, я иной раз думаю, что так даже лучше. Пусть ее.

– Но почему?

– Она будет как все. Как они все. И... и может быть, будет счастлива.

– «Многие знания рождают скорбь», – пробормотал отец.

Отец, само собой, думал, что дочка пойдет в университет, но на его факультет Лиана идти отказалась, заявив, что не желает быть объектом протекционизма, а на журфак, куда тайком подала документы, не прошла. Тогда она отправилась в педагогический. Курсе на втором девушка пережила неприятный момент. Была весна, сердце билось в такт гекзаметру и трепыханию веток сирени за окном. И она написала курсовик, посвященный Андрею Белому, полный восторга и преклонения перед поэтом. Разгром был ужасен. Сурово поджав губы, преподаватель слушал защиту, а потом указал Лиане, что очень странно слышать хвалы упадочным поэтам-декадентам из уст комсомолки и будущего педагога. Чему именно вы хотите учить детей? Носить розовые очки, мучиться внутренним разладом? Смотреть по сторонам и искать невесть что в полумраке? Нам это не нужно. Мы идем вперед светлым путем... Одногоруппники, подхватив мотив, написали только отрицательные рецензии... Даже Паша, так похожий на Есенина в молодости и уже три раза провожавший Лиану до дома, не отстал от других и катком прошелся по курсовику подружки.

Лианочка раскаялась искренне. Строки, которые так чудесно звучали при свете волшебной лампы или в гамаке под сиреневым кустом, вдруг стали слащаво-мещанскими и несовместимыми с линией партии под безжалостными лампами дневного света в холодной аудитории, где стены выкрашены масляной краской, а однокурсники насмешливо кривят губы. Несколько дней девушка жила в страхе – вдруг вызовут на заседание комитета комсомола или вообще в деканат или в партком. Дальше она боялась заглядывать: там начинался мрак чего-то безжалостно-бескрайнего, как космос. Дома Лиана билась в истерике, швыряя в родителей ни в чем не повинные томики стихов. Отец молчал, мать плакала. Курсовик она переписала, взяв другую тему – что-то про творчество Горького. Получила за него тройку, «с учетом предыдущей неудачи», пояснил преподаватель. В душе остался гадкий осадок от собственного страха и глупого промаха, от предательства Паши, оттого, что у нее такие неправильные родители. Как-то после этого случая она стала менее активна и не поехала на целину, как мечталось на первом курсе, а спокойно приняла распределение в одну из московских школ. Потом перешла в другую – поближе к дому. Родители умерли в один год, почти вместе. Лиана, стыдясь самой себя, горевала не сильно, хоть и поплакала, конечно. И лишь через несколько лет, лежа в постели с гриппом, в жару, она вдруг услышала голос отца:

– Веточка моя, что же ты, детка, разболелась? Ну ничего, все проходит, пройдет и это. Мамочка, нам чай с вареньем, да побольше. Я посижу с тобой. Хочешь, почитаю? Про что? Про рыцарей? Или Тома Сойера? Закрывай глазки и слушай...

И в жару вернулось чувство, которое испытывает в детстве любимый ребенок: защищенности, уверенности, что родители простят, пожалеют. Очнувшись и поняв, что все при-

грезились, Лиана вдруг осознала, что она одна и папы с мамой нет больше. Теперь это было ужасно. Она рыдала несколько дней, потом, едва встав, слабая после болезни, поехала на кладбище. Неумело, но старательно привела в порядок могилы. С тех пор она навещала их регулярно, хотя одиночество скоро стало привычным и жизнь иной не виделась. Замужество так и не случилось. Более того, Лианочка так и осталась девственницей. Было несколько робких ухажеров, но среди них не нашлось ни одного героя, похожего на Баталова или Лаврова в молодости. Где же взять такого молодца, чтобы глаза горели, чтобы пил, не пьянея, строил коммунизм, но не ругался матом, чего Лиана не выносила совершенно, чтобы разговаривать с ним было интересно, да еще и обладал тем, что мама называла мещанским словом «порода».

Итак, Лиана Андреевна работала преподавательницей русского языка и литературы, и было ей уже за пятьдесят. Ученики ее боялись как огня, а она их не любила. Честно сказать, детей вообще сложно любить, особенно если они попадают к тебе в руки в пятом классе. С одной стороны, это определено дети: они еще смешные, как щеночки, носят бантики и белые блузочки. У мальчишек оттопыренные полупрозрачные уши и забавные вихры на макушках. Они могут даже вызывать умиление, что и случалось порой с Лианой Андреевной первого сентября. Она смотрела на пятые классы и думала: эти будут замечательными учениками. Но уже к концу первой четверти в ее душе не оставалось ничего, кроме привычного отвращения. У детей текло из носа, они грызли ногти, рубашки выбивались из штанов, а бантики развязывались, они дрались и дико шумели. Даже самая милая девочка – ангел с косичками в аккуратном платьице, взиравшая на педагога большими чистыми глазами, – могла на перемене превратиться в визжащее лохматое существо, с упоением лупящее соседа линейкой по спине.

Лиана Андреевна с возрастом все больше тяготела к порядку, который вызывал у подростков зубовой скрежет. Они не понимали, почему блокнот для записей должен быть без картинок и лежать в верхнем углу парты поверх учебника. Почему на урок надо принести синюю ручку, которой они записывали в блокнот то, что велел педагог, а потом еще подчеркивать какие-то фразы зеленой ручкой. Лиана Андреевна строго придерживалась программы и все материалы давала по учебнику или методическому пособию для учителей, рекомендованному Министерством образования и РОНО.

Дальше становилось только хуже, потому что дети росли и позволяли себе нарушать порядок и становиться личностями. Они стали позволять себе иметь собственное суждение и иной раз осмеливались высказывать эти незрелые и провокационные идеи на уроках или в сочинениях.

И чем старше они становились, тем меньше нравились Лиане Андреевне. Вместо детей, из которых она, в соответствии с долгом советского педагога, должна была сформировать строителей социализма, учительница видела перед собой недорослей, которые слушают кошмарную музыку, носят немыслимые штаны, подражают Западу и даже, говорят, могут продаться за пачку жвачки. И хоть под раскатами ее педагогического гнева они еще втягивали головы в плечи, но глаза... в глазах она все чаще замечала насмешку.

Самые отчаянные осмеливались писать сочинения, отступая от сказанного в учебнике, а те, кто вообще писал сочинения с трудом, нашли другой способ отомстить строгой и нелюбимой училке. Дело в том, что Лиана Андреевна с возрастом все больше и больше любила только две вещи – порядок и свои цветы, которыми были заставлены все подоконники в классе. Цветоводство стало страстью старой девы, и ее класс всегда был образцовым, в него водили все комиссии.

Цветы вообще на удивление хорошо растут там, где скапливается много отрицательной энергии, а именно в школах и поликлиниках. Вот и у Лианы Андреевны в классе на подоконнике возвышался раскидистый бальзамин, известный в народе как ванька мокрый.

В углу на специальной подставочке радовали глаз фиалки – сиреневые, розовые и белые. Имелись также драцена и диффенбахия – выдающиеся экземпляры, с толстыми стволами и блестящими листьями, которые Лиана Андреевна любовно протирала и опрыскивала. Ну а также процветала тут всякая растительность поменьше и попроще: хлорофитумы, например, аспарагусы и цветущая мелкими восковыми цветочками хойа.

И если кому-то из учеников хотелось отомстить за двойку или сорвать урок, надо было лишь улучшить минутку и сделать так, чтобы портреты классиков русской литературы висели криво, или перепачкать мелом доску, или пообрывать листочки с какого-нибудь хлорофитума и бросить их на пол. Тогда больше половины урока можно ничего не делать, только слушать полные яда тирады русички.

Один класс доставал Лиану Андреевну особо. Честно сказать, от этих детей стонала вся школа. Двое учителей уже отказались от классного руководства. Третьему – молодому преподавателю физики – было предложено по-тихому подать заявление об уходе, так как стало известно, что на уроках он ведет себя запанибрата с учениками, а после уроков пьет с ними пиво. В то время ларьков на каждом углу не имелось, и немислимо было, чтобы в магазине пиво или сигареты продали десятиклассникам. Класс устраивал забастовки, требуя вернуть любимого педагога, срывал уроки, а потом кто-то выкинул из окна несколько горшков с цветами из кабинета Лианы Андреевны. После этого она возненавидела 10-й «А». Да и как могло быть иначе, если именно в этом классе собрался первоклассный набор вырожденков: хиппи, панк, тихий диссидент, похожий на Джона Леннона, девочка, на лице которой было написано «А я знаю, что такое половая жизнь», и просто засранец с острым языком и рудиментарной совестью.

Заглянув однажды в пустой кабинет труда после уроков, Лиана Андреевна застучала там теплую компанию: диссидента, засранца, хиппи, двух, у которых наличие логики и мозгов вызывало на уроках литературы неудержимую зевоту, Лару и ее школьную подружку Натку. При виде юбок, кончавшихся на два сантиметра ниже попы, и расстегнутой второй пуговицы на блузке учительница не могла не возмутиться. Окна были открыты – ранняя и очень теплая весна дышала влагой и клейкой зеленью, в руках подростков тлели сигареты, на подоконнике стояла бутылка вина, а молодой, но небесталанный голос выводил под недавно выученные аккорды:

Рыдает мать,
И, словно тень, стоит отец.
Ведь для него
Он был совсем еще юнец.
А сколько их,
Не сделав в жизни первый шаг,
Пришли домой
В закрытых цинковых гробах.

В руках одного из ребят она заметила журнал, с обложки скалились жуткие рожи с высунутыми языками. Кричаще-яркий, он никак не мог быть плодом советской полиграфической промышленности. Журнал привез дядя юного диссидента, глянцево-страницы демонстрировали портреты рок-музыкантов и некоторое количество не слишком одетых девок. Словом, мечта подростка.

У Лианы Андреевны потемнело в глазах. Это бунт. Десант западного тлетворного влияния в ее родной школе. Отвратительный журнал, выпивка, а песня – она извращала помощь советских людей братскому народу Афганистана.

Дальнейшее напоминало суды инквизиции: как-то поднялся общий шум, и в присутствии комсомольского актива школы проведен был педсовет, где Лиана Андреевна произнесла острополитическую речь, призывая избавиться от позора, пока школа не потеряла свое доброе имя в глазах родителей и РОНО.

– Надо преподать урок, чтобы другим было неповадно и близко подходить к этой западной гнили, к этой заразе, которая отравляет души наших детей! Язву, чтобы она не разъедала здоровое тело, нужно выжечь каленым железом.

Остальные педагоги сидели молча, хмуро глядя в стол. Две молоденькие англичанки испуганно таращились на вошедшую в раж даму.

– Знаете, Лиана Андреевна, – подала голос директриса, – мне кажется, школа больше потеряет в глазах родителей и представителей РОНО, если мы станем таким вот образом выносить сор из избы. К чему делать из внутренней проблемы, которую мы можем решить своими силами, публичное аутодафе?

Но Лиана Андреевна не желала, чтобы дело спустили на тормозах. Директриса смотрела в ее покрасневшее лицо, слушала гневную речь, словно состоящую из цитат выступления на каком-нибудь пленуме 1939 года. Странно, думала она, и ведь не такая Лиана старая. Слава богу, хоть не член партии и в райкоме ее вряд ли поддержат. Хотя черт их знает, какие-то они там взвинченные в последнее время. Директриса быстро свернула педсовет, объявив, что, раз дело вызвало такой резонанс, она хочет посоветоваться со старшими товарищами, а на следующую неделю назначается общее собрание парткома, комитета комсомола, куда будут вызваны провинившиеся.

– Там все и решим, – подвела она итог.

Очередная класная руководительница 10-го «А», тихая и безответная биологичка на среднем сроке беременности, осталась в актовом зале, когда остальные разошлись.

– Что мне-то делать, Анастасия Павловна? – Бедная женщина чуть не плакала. – Это не мои дети, мне их дали всего пару месяцев назад. Вы же меня и уговорили.

– Я все помню, Светлана Алексеевна, не переживайте. Вот, попейте водички. – Директриса щедро налила эссенуки в стакан. – Никто вас ни в чем не винит, и никаких санкций к вам применено не будет; понятно, что вы совершенно ни при чем. Доработаете потихоньку и пойдете в декрет.

– А ребята? – Светлана Алексеевна осторожно отпивала стреляющую пузырьками газа воду и тревожно смотрела на начальство. – У них экзамены на носу... Может, можно как-то...

– Да было бы можно, если бы наша активная Лиана Андреевна не устроила такой скандал. Родителей с работы вызвала, детей в учительской под надзором держала, девочек прилюдно проститутками отрекомендовала, журнал этот дурацкий конфисковала.

– Правда порнография? – испуганным шепотом спросила учительница.

– Господи, да кто вам такую глупость сказал? Музыкальный журнал. Рок и что там еще, не знаю. Вот что, Светлана Алексеевна, давайте сделаем так: вы позвоните родителям... может, лучше попросить их зайти к вам. Срочно, сегодня-завтра. И прямым текстом скажите – пусть ищут выходы на райком и РОНО и спасают своих детей. Одна я нашей ненормальной рот не заткну.

Светлана Алексеевна понятливо закивала.

Что сделали бы нынешние родители? Пригрозили бы подать в суд? Пошли пикетом вокруг школы? Перевели бы детей в колледж или соседнюю школу? Тогда все это было немисливо. Аттестат – это святое. А к нему прилагается характеристика. И если она будет плохой, ребенку не видать высшего образования как своих ушей. Да и приличной работы тоже: кто знает, насколько удержится пятно. Поэтому родители достали записные книжки и бросились искать связи. А Ларина мама мучительно размышляла, не пора ли вызывать мужа.

Глава 2

Если задуматься, то у Лары в детстве была, наверное, очень странная семья. Родители и не думали разводиться, но отец появлялся в их с мамой квартире несколько раз в год, а бывало, что и не каждый год. Но уж если появлялся – это становилось праздником для дочери и источником раздражения для матери. Их дом всегда был домом женщин – милый, чистенький, полный плюшевых зверей и цветов. Тапочки стояли ровно, полотенца в ванной комнате висели аккуратно, и мама и дочка никогда не оставляли в раковине грязную посуду и, честно сказать, не очень любили принимать дома большие компании. За завтраком мама Лиза и девочка Лара решали, как пройдет вечер. Сегодня придет твоя подружка? Хорошо, а в следующее воскресенье девочки ко мне на чай.

И вдруг в один день все переворачивалось вверх дном. Прихожая и одна из комнат чистенькой и уютной квартиры наполнились неформатными вещами – рюкзаками, коробками и чемоданами. Чужие, странно пахнущие и необычные вещи расплзались по дому. Вот в ванной груда грязного белья, пропахшего дымом костра. Мама истошно вопит в спальне и, когда на крик прибегают соседи, оказывается, что из рюкзака выполз жуткого вида паук, которого соседские мальчишки тут же поймали и посадили в банку. Паук был мохнатый и страшный. Пашка из двадцать второй квартиры предложил его сжечь. Вадик из семнадцатой – заспиртовать, а Манька, его сестра, – подложить математичке перед контрольной. Но потом они решили узнать, как зверюга называется, и, недолго думая, отправились в зоопарк. После некоторых мытарств им удалось-таки набрести на сотрудника секции паукообразных, и тот пришел от увиденной твари в восторг, что и навело малолетних негодяев на мысль слупить с него бабок. Мужик отдал им свои кровные, потому как боялся, что паук отдаст концы, пока бухгалтерия раскачается. Он нервно поправлял очки и все спрашивал, нельзя ли еще самочку раздобыть, потому что экземпляр такой замечательный и если будут еще, то заходите, ребятки...

Вот на обеденном столе, застеленном газетами (мама успела, потому что отцу бы и в голову не пришло защищать полированную поверхность), раскладываются образцы пород и минералов, и несколько человек, набившихся в небольшую кухню, курят и спорят о чем-то, хватая то один булыжник, то другой.

Потом они перемещаются к отцу в кабинет, и по дороге он бросает жене:

– Сделай нам поесть что-нибудь.

Надо отдать Лизе должное – она никогда не спорила, молча пережидая набеги мужа, и жарила картошку, пекла пироги или варила борщ – гости всегда бывали благодарны, хоть Ларисе и казалось: иной раз они не замечают, что едят.

Отец работал геологом, точнее, геологоразведчиком. Это было его страстью, его призванием – степь, тундра, джунгли. Он перемещался по миру, обращая внимание не на визы и границы, а на геологические особенности пород, контуры разломов и прочие важные и вечные вещи, которые не имели никакого отношения к жизни большинства людей и потому вызывали у большинства же уважение и боязливый интерес. Костры, рюкзаки, разбитые пальцы и многокилометровые переходы – в этом и только в этом видел папа смысл жизни и свое призвание. Он женился на Лизе еще в годы учебы в институте, и она даже съездила с ним на практику и в несколько экспедиций. Но потом родилась Лара, и мама перешла на преподавательскую работу. Отец, которого родители нарекли Тамерланом, жил почти как его знаменитый тезка – шел по земле, покоряя горы и женщин, обретая друзей и врагов, отвоевывая сокровища у скуповатых земных недр. Впрочем, будучи человеком умным, он предпочитал зваться Тимуром и сохранил брак и кольцо на пальце.

Тимур всегда хорошо зарабатывал, и жена и дочь ни в чем не нуждались.

Лиза, как ни странно, очень неплохо приспособилась к такой жизни. Сначала она, конечно, любила мужа, и это было мучительно. Вокруг него бесконечно вились аспирантки, сотрудницы, аборигенки, стюардессы и бог знает кто еще. Когда любовь прошла, жить стало гораздо проще. У нее тоже случилось несколько романов – курортных и городских. Но по мере того как выросла дочь, Лиза все строже приглядывала за девочкой, стараясь изгнать из жизни и поступков фривольность и легкомыслие, приходя в ужас от мысли, что Лара могла унаследовать натуру отца. Сама она давно принимала Тимура как данность, прекрасно сознавая его недостатки. Этот человек до самой смерти будет вести жизнь волка-одиночки, бродя по диким местам, и засыпать, глядя на звезды. И в то же время он оказался удивительно надежным. С самого начала объяснил, как можно быстро связаться с ним, и, глядя в глаза, пообещал:

– Я не брошу тебя и, если что, всегда помогу. Только позови.

До случившегося в школе скандала Лиза звала мужа всего однажды. Тогда заболела ее мать – вдруг свалилась с инсультом. А у Ларки, как назло, случился коклюш. Куда деть ребенка, который до рвоты заходится в кашле? Лиза вернулась из больницы от матери и, услышав от соседки, что сидеть с этим отродьем, которое то кашляет, то орет, то требует сказку, она не хочет ни за какие деньги, пошла к телефону и, набрав номер, – муж, не мудрствуя лукаво, написал его на обоях – передала какой-то мрачной и неразговорчивой тетке просьбу о помощи.

Потом она залпом выпила рюмку коньяка, поставила телефон поближе к кровати, уложила девочку с собой в постель, и потянулась бесконечная ночь, когда она грела молоко, хоть оно и не помогало, рассказывала сказки, пела, качала дочку и в промежутках между приступами Лариного кашля урывками дремала, отгоняя мысли о завтрашнем дне.

Разбудил Лизу звонок. Она села и зашарила рукой по тумбочке. Только сняв трубку и услышав гудок, поняла, что звонили в дверь. Выскочила из постели и побежала в прихожую. На пороге стояла молодая девушка с крупными чертами лица и рыжими волосами. Белая кожа усыпана веснушками до такой степени, что казалась загорелой. Лиза очумело таранилась на гостью, переминаясь босиком на холодном полу и с тревогой прислушиваясь к звукам, доносившимся из спальни, – Ларка проснулась и опять давилась от кашля.

– Здравствуйте, Елизавета Николаевна. – Гостья вдвинулась в квартиру, и вместе с ней вошла довольно объемистая сумка.

– Здравствуйте...

– Я Марина, жена Андрея.

– Да? – Лиза на всякий случай протерла глаза, глядя на видение и пытаясь сообразить, кто это, черт возьми, может быть. Родственница дальняя? Нет таких, чтоб я не знала! Впрочем, может, это с Урала? Были там какие-то дальние родственники. – Простите, я что-то не припоминаю, – промямлила она.

– Ну, Андрея, который аспирант.

– Чей аспирант?

– Тимура Таймасовича.

– Ага. – Точно, муж докторскую защитил года два назад, так почему бы ему не иметь аспирантов?

– Тимур Таймасович сказал, что вам нужна помощь. Он сам не сможет вернуться раньше чем через четыре дня. Поэтому я пока поживу у вас и буду присматривать за дочкой, а вы выхаживайте маму. Или, если хотите, можем сделать наоборот – я поеду в больницу, а вы займетесь ребенком.

Лиза тупо смотрела на рыжую деваху, которая уверенно продолжала:

– Вы не волнуйтесь, все будет нормально. Я медсестра, работаю в Филатовской детской больнице, так что с детками обращаться умею.

Вспомнив свой опыт общения с медперсоналом, Лиза подумала, что диплома медсестры для умения обращаться и общаться с детьми недостаточно, но спорить и разбираться было некогда, из спальни донесся жалобный вскрик и судорожный кашель – Ларису опять рвало.

Марина оказалась сокровищем: она быстро сориентировалась в квартире, нашла ванну, внесла тазик с водой, умыла измученную девочку, а потом, укутав ее в одеяло с головой, широко распахнула окно. На вопль Лизы:

– Закройте, нам только воспаления легких не хватало, на улице начало апреля! – медсестра невозмутимо ответила:

– Влажный и холодный воздух снимет приступ кашля.

Девочка и правда задышала спокойнее, и Лиза скрепя сердце все же оставила дочку с женой неизвестного ей аспиранта и понеслась в больницу к матери. По дороге она судорожно пыталась хоть что-то припомнить о людях, окружавших мужа. Вроде бы даже идентифицировала этого Андрея: на приеме, который они устраивали в ресторане по случаю защиты докторской, рядом с мужем возвышался такой высокий и нелепый молодой человек, ужасно худой. Кажется, это и был Андрей. Лиза тогда все смотрела на его ноги и думала, где же бедняга покупает себе обувь – у него явно был сорок восьмой размер, не меньше.

Дела в больнице оказались не очень, приличную санитарку для ухода удалось найти не сразу, и Лиза вернулась домой только на следующий день к вечеру, измотанная до крайности и едва не лишившаяся рассудка от беспокойства. Весь день ее мучили мысли о том, что она оставила ребенка на чужую и практически незнакомую женщину. Но рыжая Марина не подвела: Лара, накормленная и довольная, высунув язык, примеряла на бумажную куклу вечернее платье. В ту весну это было хитом в школе у всех девчонок: они рисовали принцесс и потом делали для них одежду.

– Мама, смотри, Мариша мне для Дианы шляпку с перьями сделала! – И девочка убежала к себе.

– Спасибо, – прошептала Лиза, без сил опускаясь на стул и чувствуя, как глаза наполняются слезами.

Марина кивнула и сказала:

– Идите в душ, а я ужин согрею.

После ужина Марина заявила, что спать ляжет в комнате девочки на полу, а Лизе надо выспаться.

– Нет-нет, что вы! – замахала руками та.

– Вы не переживайте. Я привыкла на жестком, в походах с мужем где только не приходилось ночевать. И окно мы откроем, чтобы Ларе легче дышать было. А вам, Елизавета Николаевна, надо выспаться. Завтра ведь опять в больницу?

Женщина кивнула.

– Не волнуйтесь за дочку, раз Тимур Таймасович просил, я все сделаю, все хорошо будет.

Лиза покорно ушла в спальню и, проваливаясь в темную яму сна, с удивлением думала, что же такого сделал муж этим молодым людям, что в голосе рыжей медсестры звучит почтение и чуть ли не благоговение.

Она видела Марину еще два раза, и все повторялось в той же последовательности: душ, еда, короткий сон, и, поцеловав дочку, она убегала в больницу. А потом, вместо рыжей Марины, дверь ей открыл Тимур. Он обнял жену, и она долго редела, уткнувшись носом в его пропахший табаком свитер. Муж провел дома месяц: он готовил, стирал, выхаживал Лару, которая, впрочем, быстро поправилась и теперь бессовестным образом ездила верхом на отце и в прямом и в переносном смысле. Он ходил по магазинам и доставал дорогие и нужные лекарства, которые врач упомянул мечтательным тоном. Съездив в больницу и

поговорив с завотделением, нашел для Лизиной матери какого-то супермассажиста: то ли китайца, то ли корейца, с крепкими короткопалыми руками.

А когда теща пошла на поправку и стало ясно, что ситуация стабилизировалась, Тимур уехал. Лара, которая успела привыкнуть к папе, неделю устраивала истерики. Лиза вновь и вновь терпеливо повторяла дочке, что ее папа – необыкновенный человек, он геолог и у него очень важная работа. А ночами ревела в подушку: что и говорить, человек быстро привыкает к хорошему, и спать с мужем, чувствовать рядом его плечо – и в прямом и в переносном смысле – было так здорово! Но что делать, такова, видно, ее стезя.

И вот теперь снова наступил момент, когда Лиза поняла, что самой ей не справиться. И рыжая Марина тут не поможет. Если Тимур не сможет замять скандал – не сможет никто. Она подошла к телефону... В квартире пару лет назад был сделан хороший ремонт, но номер, по которому можно найти мужа, она бестрепетно переписала на чистые новые обои и теперь, включив свет поярче (придется очки для чтения заказывать, вот ужас-то!), крутила диск. Подошел какой-то мужчина.

– Это Елизавета Николаевна, жена Тимура Таймасовича. Передайте мужу, что у нас беда: Лару собираются выгнать из школы и отчислить из комсомола. Я прошу его приехать как можно скорее. – Она растерянно замолчала, и бестелесный голос на другом конце спросил:

– Это все сообщение?

– Да.

– Я передам.

– Спасибо... До свидания, – пробормотала Лиза, но в трубке уже слышались гудки. – Черт знает что, – пробормотала она, сердясь на саму себя, и на мужа, и на весь свет. – Игра в шпионов какая-то. Может, муж у меня вовсе не геолог, а Штирлиц?

* * *

Так Тимур снова появился дома, на этот раз к вечеру того же дня, и это навело Лизу на мысли, что в момент звонка он уже находился в Москве. Но она благоразумно ни о чем не спросила. Муж выслушал всю историю в изложении дочки, которая не скупилась на злые слова и нелепые угрозы, но временами начинала совсем по-детски всхлипывать. Он пошел в школу, обаял Светлану Алексеевну и через десять минут уже слушал, как она торопливо лепечет:

– Знаете, Анастасия Павловна даже не так волнуется за райком... там Суздаев из горкома нормального мужика подобрал. Такой он... ничего. А вот райком комсомола – это что-то! Удивительно жестокие какие-то молодые люди. Съедят и не поморщатся.

– Суздаев? – Тимур потер щетинистый подбородок. – А имя не помните?

– Славянское такое, необычное.

– Борислав?

– Да, точно, Борислав Олегович.

Вернувшись домой, Тимур достал из шкафа красивую импортную коробку с еще более красивой бутылкой, нашел в телефонной книжке старый номер и вечером уже отмечал встречу с бывшим однокурсником и секретарем комитета комсомола курса Бориславом.

Они чудно посидели, вспомнили былые подвиги, Тимур вручил бутылку невиданного тогда в Советском Союзе элитного французского коньяка, и в конце концов приятель обещал помочь.

Надо сказать, он не подвел, и секретарь райкома комсомола, получивший четкие инструкции и давно уловивший, куда наверху ветер дует, отправился на школьное собрание. Сам себя он чувствовал Нероном: судил и держал в своих руках судьбы нескольких бес-

толковых подростков. На дворе стоял 1988 год, и через пять лет секретарь райкома комсомола станет управляющим банком. А пока этот молодой, но весьма многообещающий кадр направлял не денежные потоки, а мысли своих сограждан. Он терпеливо выслушал все стороны, полистал протокол педсовета и характеристики на провинившихся подростков и произнес прекрасную речь. В его словах прозвучало все, что должно: праведный гнев на ребят, которые ведут нездоровый образ жизни, ибо курить и пить плохо, а уж в стенах школы недопустимо. Но с другой стороны, травиться или нет – это личное дело каждого, и будем надеяться, что этот случай послужит уроком, заставит ребят задуматься, правильный ли образ жизни они ведут. Что касается песни и обвинения в антисоветчине, то это, знаете ли, полная чушь. Этим мальчикам скоро в армию, и, если понадобится, все они выполнят свой интернациональный долг, правда? Мальчики закивали, даже диссидент, который думал – господь наш, только пронеси, а уж я найду способ слинять отсюда к дяде Зяме в Штаты.

Осмотрев вещественные доказательства в виде убранного в картонную папку с завязочками журнала, секретарь презрительно пожал плечами. Журнал музыкальный и вызывает у воспитанных на лучших образцах искусства советских людей только насмешку и недоумение: какую музыку могут играть люди, раскрашенные как огородные пугала и одетые соответственно?! И вообще, все это дело не стоит выеденного яйца, так как свидетельствует об одном: этих молодых людей нельзя пока называть взрослыми. Они безответственные дети. Будем надеяться, что жизнь заставит их повзрослеть и стать более ответственными и зрелыми. Вот и все, и удачно всем сдать экзамены.

Лара, хоть и переживала скандал и опасалась за будущее, не могла не радоваться: отец дома.

Впрочем, и теперь счастье длилось недолго. Сидя напротив папы и глядя, как он ест приготовленную ею картошку, Лара удивлялась, почему так любит и ждет этого неразговорчивого мужчину. Тимур унаследовал от отца-казаха смуглую кожу и неевропейский разрез глаз, а сами глаза были не карие, а пронизывающе-черные. Черные же жесткие волосы время щедро посыпало солью. Сухое и крепкое тело одевалось по большей части в джинсы и свитера или футболки – в зависимости от сезона. Впрочем, вещи у отца всегда были стильные и дорогие. Он никогда не рассказывал о своих походах и приключениях и даже про шрамы; два на руке и один – рваный, кривой – на спине. И все же в его присутствии Ларе становилось легче дышать. Словно московская квартира наполнялась свежими и экзотическими запахами и отголосками другой – опасной и чертовски интересной – жизни.

– Пап, возьми меня с собой, – попросила она.

Отец поднял голову, взглянул на нее коротко и покачал головой:

– Тебе там не место.

– А где мое место?

– Сама найдешь.

– Мама говорит, я на тебя похожа.

– Может, и похожа. Но и на нее ты похожа тоже.

– Это плохо?

– Это хорошо.

– Я хотела бы видиться с тобой, как все нормальные люди видятся с отцами.

– Чтобы я приходил с работы в семь вечера и пил пиво, глядя в телевизор?

– Да ладно, я знаю, мама говорила, что ты у нас бродяга и все такое... Как ты думаешь, куда мне поступать? Я ведь сейчас уже буду экзамены сдавать.

– А куда ты хочешь?

– Не знаю...

– Ну и я не знаю. Может, поработаешь сперва?

– Мама говорит, надо в институт.

Отец лишь пожал плечами. Лара его не осуждала. Все и так понятно. Ну что делать, если душа не лежит ни к чему в особенности? Душа Лары, честно сказать, лежала к диско-текам, тряпкам и мальчикам. И уж точно не хотелось работать с девяти до шести. Это потом, ближе к старости. То есть годам к двадцати пяти. А пока она согласна поступить куда-нибудь и с головой окунуться в студенческую жизнь, которая обещает много интересного.

– А у меня жених есть, – выпалила она вдруг. – Сергеем зовут.

– Давно? – Отец как-то напрягся, и Лара хмыкнула: вот оно – геолог не геолог, а собственнический родительский инстинкт присутствует.

– Полгода уже...

– Мама знает?

– Да, он ей нравится.

– Ну, тогда хорошо.

Перед отъездом Тимур чмокнул дочь в макушку и кивнул в сторону написанного на стене номера.

– Звони, если что. И на свадьбу меня позови, хорошо?

– Ладно. Но вообще-то я пока не собираюсь замуж, – капризно протянула девушка.

Однако все случилось скорее, чем она предполагала. Классическая схема залет – свадьба отодвинула перспективы поступления в вуз.

Лиза вспомнила о том, что надо бы позвонить мужу, лишь накануне свадьбы дочери. Сказать, что она была рада, что девочка выходит замуж за Сергулю, – это не сказать ничего. О таком зяте можно только мечтать: разумный, спокойный парень. Ларку любит, просто обожает. Даст Бог, и эта ненормальная притихнет. Лиза прекрасно видела, что дочь частично унаследовала буйную натуру отца.

Но если Тимура беспокойство снедало постоянно, и он жить в городе не мог и не хотел, то Лара, привычная к комфорту, не собиралась уезжать в степи. Нет, она вполне спокойно существовала среди каменных домов и дорог, но время от времени внутри начинало нарастать напряжение. Лара плохо спала, дерзила и делала глупости. Спокойная и уравновешенная девушка могла вдруг встать и уйти со словами: «Что-то скучно мне. Пойду погуляю». Чем кончится загул – катанием на мотоцикле и аварией, или поездкой с приятелями в лес петь песни под гитару, или прыжками на тарзанке над омутом – предугадать было невозможно. Сергей подобных вспышек не одобрял, и Лара, которая влюбилась в него и не желала терять своего мужчину, старалась безумствовать где-нибудь на стороне. Мать с ума сходила, присматриваясь и приняхиваясь, и больше всего на свете боялась, что тормоза у доченьки сорвет, и Сергей все узнает. Но, к ее удивлению, шалава Ларка действительно притихла перед свадьбой, и даже этот парень, с которым чуть не полночи на телефоне висела, не звонит.

Лиза закрутилась так, что, торопясь организовать свадьбу, чтобы не хуже, чем у людей, напрочь позабыла о муже. И вот теперь, стоя с дочкиной фатой в руках, Лиза с ужасом смотрела на номер телефона, написанный на обоях, и ее терзал стыд. Я забыла позвонить ему и сказать, что дочь выходит замуж! Конечно, это номер для экстренных случаев, но ведь бывают и приятные ЧП. Свадьба, например. Ей стало так стыдно, что она расплакалась.

– Мам, ты чего? – Лара встала рядом, отобрала фату и обняла мать. – Чего ты ревешь? Я замуж выхожу, радоваться надо! И жить недалеко буду – на соседней улице. Ну ты чего?

– Я забыла позвонить твоему отцу, – повинулась Лиза.

– Ты из-за этого плачешь? Ну, мам, он приедет, не переживай! Я ему позвонила давно-давно, еще когда мы заявление в ЗАГС подали и ресторан заказали.

Тимур действительно приехал на свадьбу. Долго говорил о чем-то с молодым мужем, и, похоже, парень ему понравился. А в качестве подарка он преподнес молодым ключи от

квартиры. Лара была счастлива – перспектива жить с мамой или свекровью совершенно не приводила ее в восторг.

Глава 3

Так все и шло. Неплохо в общем-то. Она родила Данилу и поступила в вечерний педагогический. Потом пошла работать в школу. Муж дорос до заведомо в солидной компании с участием западных капиталов, получал очень прилично, сын рос вполне адекватным молодым оболтусом, друзья приходили в гости, иногда случался отпуск, хотя чаще приходилось бывать на даче и вкалывать там непонятно зачем – просто чтобы мама меньше ворчала. Словом, все как у людей. Иногда бывало скучно и приходило понимание, что идут годы. Жизнь течет сквозь пальцы – то ли вода, то ли песок... Но ведь это, с другой стороны, и есть жизнь. Когда на нее накатывала скука, Лара шла по магазинам, или покупала билеты в театр, или выпроваживала мужа на дачу, сына к приятелю ночевать и устраивала вечеринку до утра – словом, лечилась доступными методами, стараясь выпускать пар и не доводить дело до крупномасштабных разрушений.

Со временем она добавила в свой арсенал борьбы со скукой и еще один метод, такой тайный, что Лара о нем и не думала никогда. Что случалось – то случалось само собой, словно помимо ее воли. Первым мужчиной в жизни Лары стал Сергей, и она была безмерно благодарна ему за ласку и нежность и за ту решимость, которую Сергуля проявлял чуть ли не с первого дня знакомства, – он сразу же заявил Ларе, что она будет его женой. Но что-то билось внутри девушки, какая-то энергия, страсть, которую – она знала – нельзя выплеснуть на нормального и спокойного Сергулю. Он не поймет, и ему подобные чувства будут в тягость. И Лара разряжала свой накапливающийся внутри заряд бешенства любым доступным способом, начиная от стрельбы в тире и заканчивая сексом. Таких моментов было немного, но они случались, и каждый из них привнес в ее жизнь нечто особенное. Вспышка, всплеск адреналина – и потом спокойная и тихая жизнь, как полагается любящей жене и матери семейства.

В первый раз это случилось после долгой и дождливой осени. Данька пошел в первый класс, много болел, и Лара бесконечно сидела на бюллетене. Иной раз ее подменяла на полдня мать, и тогда Лара уходила в город. Она просто шаталась по улицам, чтобы устать от движения, проветрить голову, прийти в себя и подготовиться к очередной бессонной ночи, когда нужно мерить температуру и заставлять сынишку пить воду или чай, а потом все равно давать жаропонижающее и после этого несколько часов поспать.

В тот вечер она промокла под холодным дождем, устала, и ночью у нее разболелся зуб. Он ныл два дня, а потом стало совсем невмоготу, и Лара позвонила маме.

– Мам, куда мне пойти? В районку страшно, да и очереди там дикие.

– У моей соседки племянник работает в Институте стоматологии. Недешево, но зато вряд ли там много народу, и, говорят, он хороший врач. Я тебя сама запишу, – решительно сказала Елизавета Николаевна.

Лара отправилась к стоматологу без особого страха. Вообще-то зубы у нее на удивление здоровые, ровные и крепкие, всего-то две пломбы за всю жизнь поставила. Да и какой смысл бояться, если все равно нужно чертов зуб вылечить?

Стоматолог оказался симпатичным мужиком, сказал, что его зовут Марк, и Лара видела, что он с удовольствием оглядел ее ладную фигурку, темно-каштановые волосы, лежащие пышными волнами, смуглую кожу.

Он ловко сделал укол и, поцокав языком, сказал, что это пульпит, а потому надо вскрыть, положить лекарство и прийти дня через два, тогда зубик можно долечить. Руки у Марка оказались хорошие, лекарство подействовало быстро, и Лара расслабилась и даже прикрыла глаза. Но сквозь сомкнутые ресницы было видно, что врач смотрит не только ей в рот, но и на нее... в целом. И увиденное ему нравится все больше и больше.

Когда он вскрыл зуб, положил лекарство и, дав необходимые указания, отпустил ее, Лара встала с кресла не спеша. Движения ее обрели кошачью тягучесть и грацию. Глаза мужчины вспыхнули, и, когда она сказала:

– До встречи через два дня, доктор, – он кивнул и добавил, что будет ждать с нетерпением.

Лара услышала, как медсестра, возившаяся в углу у шкафчика, хрюкнула. Но ей плевать было на сестру и весь ее звуковой диапазон.

И через два дня, закончив работу, Марк тихонько, чтобы не услышала сестра, спросил:

– Где и когда?

– Сейчас, – не раздумывая ответила Лара.

Марк подумал, что заотделением чертовски удачно уехал в очередную командировку, а ключ от его кабинета можно раздобыть путем несложных манипуляций и конфетно-коньячного подкупа коменданта. И врач, и пациентка получили массу удовольствия, потому что в кабинете имелся и роскошный кожаный диван, и удобное вращающееся кресло.

Приведя в порядок лица и одежду, они подошли к двери, и Марк, нежно целуя Ларе пальцы, спросил:

– Когда мы увидимся снова?

Но к его огромному разочарованию, она лишь покачала головой, сказала: «До свидания, Марк» – и ушла.

Это было давно. Лара иногда вспоминала Марка, если кто-то заговаривал о стоматологах, потому что он оказался действительно хорошим врачом: зуб ее больше не беспокоил. Надо сказать, что угрызения совести Лару тоже не мучили. Сначала она сама удивлялась собственной невозмутимости. Первым ее порывом было обвинить себя в измене и начать угрызаться. Но – не получилось. Почему-то она чувствовала себя прекрасно – как после того раза, когда, будучи на втором курсе института, удирала от милиции на мотоцикле приятеля: ночь, грязь из-под колес. Рев моторов и ругань. Она вжималась лицом в грязную кожанку, зная, что они могут упасть и разбиться или перевернуться и попасть к ментам в обезьянник. Ее трясло, но, когда они все же выбрались и, собрав большую часть компании, разжились пивом и засели на какой-то детской площадке, Лара поняла, что просто в восторге. Она не устала, не была напугана, и дрожь, которая била ее тело, была вызвана радостным возбуждением.

Возбуждение требовало выхода, и некоторое время она приглядывалась к окружающим особям мужского пола, надеясь найти что-нибудь привлекательное. Но мотоциклы свои они мыли явно чаще, чем волосы и все остальное, так что пахло от них... Пришлось отчалить домой по-быстрому, пока ребята не разогрелись.

* * *

С любимым мужем Сергулей Лара познакомилась на танцах в школе. Банальная такая история: дембель с приятелями вечером пришел на школьную дискотеку, увидел девчонку и влюбился. Ребята слегка выпили, и на дискотеку их не пускали, они кучкой переминались около дежурных, загораживая вход и пытаясь убедить всех в собственной трезвости и благонадежности. Лара с другими девчонками наблюдала эту сцену, свесившись вниз из окна женского туалета, где они потихоньку курили.

Потом на крыльцо школы вышла завуч, оглядела всех и, обернувшись к дежурным, сказала:

– Это наши выпускники. Я им доверяю. Под мою и его, – она ткнула пальцем в крупного парня в солдатской форме, – ответственность. Договорились, Сергуля?

– Конечно, Наталья Ивановна! – пробасил парень, и Ларе стало смешно – так не подходило детское ласковое имя к крупному телу и низкому голосу.

Девочки возвращались в зал и у дверей столкнулись с завучем, о чем-то вполголоса беседующим с дембелем. Та посмотрела в их сторону, принялась и сказала:

– Посмотри, Сергуля, какие у нас красавицы подросли. Только вот все торопятся повзрослеть – курят уже... Думаю, это потому, что ноги растут быстрее мозгов.

Девчонки захихикали, поглядывая на парня. Лариса и сейчас могла вспомнить его таким, каким увидела в тот вечер: высокий, крупный в кости, но при этом худой. Внимательные серые глаза, большой рот. В лице – ничего особенного, кроме этого спокойного, вдумчивого взгляда. Он подошел к ней, как только зазвучал медленный танец, и до конца вечера они танцевали вместе. Потом он пошел ее провожать, а вскоре она не могла себе представить, как жила без него. Он вошел в ее дом, так же как в ее тело, ласково, уверенно, и сразу же сделался незаменимым. Мать восприняла молодого человека как подарок судьбы и ни разу не заикнулась о том, что рано Ларе обзаводиться настоящим поклонником – в девятом-то классе. Лиза, которая слышала по вечерам долгие разговоры дочери по телефону невесть с кем и замечала, что дочь порой врет напропалую Сергуле, который учился и работал одновременно, иногда пыталась ее образумить:

– Что ты делаешь, ненормальная? А если Сергей узнает?

– Я ничего плохого не делаю.

– Это ты так думаешь! Ты же врешь! Смотришь своему парню в глаза и врешь! Выпороть тебя, что ли? Вроде поздно уже... Что ты хочешь-то? Непутевой стать, как твой отец?

Лара морщилась и очень старалась сдерживать бушевавший в крови адреналин. И все же иногда ее прорывало – то на дискотеку с подружками, то с Андреем куда-нибудь в киношку. Она не изменяла Сергею – о нет, он был единственным, и все же она и представить не могла, что можно просто и скучно ходить в школу, не захватывая, хоть краешком, другую – яркую и безумную – жизнь. Сергуля ей верил – он всегда ей верил. Институт и вечерняя работа отнимали много сил, и он был чертовски занят. Потом они поженились и были очень счастливы. То, что Лара порой лечилась от скуки несколькими оригинальными методами, ничего не меняло в ее трепетном отношении к мужу. Он единственный и любимый, добытчик и отец ее Даньки. Жизнь катилась ровно: уютный дом, работа преподавателем английского языка в школе, работа интересная и нескучная... А потом... В смысле – теперь. Что теперь? Теперь Лара оказалась в совершенно подвешенном состоянии, потому что в ее родной школе произошла глупейшая история.

Глава 4

Народ тусовался в учительской перед уроками – кто-то курил, кто-то проверял тетрадки... Влетела Марина – преподаватель немецкого, пышнотелая крашенная блондинка неопределенного возраста, склонная к истеричности и экзальтированности.

– Директор у себя?

Кто-то ответил утвердительно.

Марина устремилась в директорский кабинет, словно там ее ждало спасение души. Никто особо не заинтересовался порывом коллеги, так как Марина была дама не слишком уравновешенная.

Но на большой перемене, когда Лара добралась до учительской со светлой мечтой покурить, там уже всюду чесали языками. Оказывается, Марина приходила к директору с просьбой принять на место одной из англичанок, собирающейся в декрет, ее подругу, которая потеряла работу по причине холокоста.

– Чего? – удивленно переспросила Лара, которая полагала, что термин обозначает преследование и уничтожение евреев во время Второй мировой войны и к нашему времени не применяется.

Но оказалось, что теперь этим жутковатым словом обозначают сексуальные домогательства на работе. Марина, закатив глаза, явно не в первый раз пересказывала историю подруги, которая когда-то закончила педвуз, но работала секретарем – устроилась в приличную фирму по чьей-то протекции: «Сами знаете, девочки, в школах работают в основном энтузиасты, а после институтов все норовят устроиться туда, где платят настоящие деньги», а теперь ее стал домогаться начальник, а она «не синий чулок, нет. Просто милая нормальная женщина, которая не станет ложиться под всякого козла ради денег». И вот подруге, которую звали Ирина, пришлось уйти с работы, потому что этот наглец поставил вопрос ребром – или ты со мной спишь, или убирайся, а я найду себе другую секретаршу.

Коллектив, преимущественно состоящий из женщин, естественно, проникся сочувствием к жертве, и Лара в том числе. И когда на следующей неделе новенькая пришла на работу, все готовы были проявить максимум заботы и тактичности и помочь ей влиться в их дружную педагогическую семью.

Лара в то утро неслась на работу почти бегом – пока собрала и выпроводила мужиков, сама чуть не опоздала. Собираясь, она лихорадочно вспоминала, что именно напланировала на сегодня. Подготовка к Хеллоуину – это в восьмом. Так, тыква где? Тяжелая, зараза, хоть внутри уже и нет ничего, кроме свечки. Пятиклашки должны принести проекты. Девочки обещали испечь печенье и подробно на английском описать процесс приготовления...

Успею, решила Лара, благо ей надо ко второму уроку, да и школа рядом – полквартала пешочком.

На улице ронял листья октябрь, дети, утомленные летним бездельем, учились с охотой, и Лара шла на работу с удовольствием. Не успела она пристроить в гардеробе свою куртку, как рядом с ней возникла секретарь директора – несколько мумифицированная и сухая, она всегда держалась с учителями официально:

– Лариса Тимуровна, Юрий Иванович просит вас немедленно зайти к нему.

– Но у меня урок...

– Он просил, чтобы я дождалась вас у двери и привела к нему сразу, как придете.

– Данила? – Лара почувствовала, как внутри возникает холодный страх.

Секретарь замахала руками, сообразив, что напугала ее:

– Данила на занятиях, с ним все нормально, – и уже от себя, словно извиняясь, добавила: – Я не знаю, в чем дело, честно.

Лара ей верила – за столько лет даже очень разные люди привыкают друг к другу, и она знала – неприветливая, но неизменно честная и щепетильная Мария Всеволодовна не стала бы ее обманывать. Пристроив на подоконнике тыкву и подхватив сумку, молодая женщина понеслась на второй этаж, в кабинет директора. В школе шумела перемена, и со всех сторон несло:

– Здравствуйте, Лариса Тимуровна!

– Доброе утро!

– А где у нас урок?

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

Она рассеянно улыбалась и кивала в ответ, прокладывая себе путь сквозь водоворот больших и маленьких тел. Вот, наконец, кабинет директора, приемная пуста – Мария Всеволодовна отстала где-то на первом этаже.

Пролетев приемную, Лара толкнула дверь и остановилась на пороге, глядя на директора круглыми глазами и стараясь незаметно отдышаться.

Директор поднялся ей навстречу. Невысокий. Морщинки вокруг глаз, около пятидесяти лет. Волосы – соль с перцем и такая же борода. Когда он только пришел в школу, бороды еще не было, и все молодые учительницы хихикали, глядя на его маленький, просто губки бантиком, рот. Кто-то посоветовал ему отпустить бороду, и теперь Юрий Иванович выглядел удивительно солидно. Иногда, сидя на затянувшемся педсовете, Лара ловила себя на том, что смотрит на него и думает: интересно, как это, когда тебя целует мужчина с бородой? Щекотно, наверное.

Но сейчас никаких мыслей в голове у нее не было вовсе, она просто смотрела, как директор идет ей навстречу, берет за руку и, подведя к столу, усаживает в кресло.

– Ларочка, у меня к вам разговор. – Он сочувственно, словно на больную, смотрел на нее, и Лара все больше удивлялась. – Мы с вами столько лет вместе, и я... очень хорошо к вам отношусь. Вы прекрасный преподаватель и милый человек... Тут такая история, и я хочу, чтобы вы узнали об этом от меня, а то наши дамы... Кто-нибудь все равно дознается, но у вас будет время решить, как себя вести.

– Я ничего не понимаю, Юрий Иванович, – жалобно пролепетала Лара, напуганная и расстроенная задушевым тоном обычно сдержанного и склонного к сарказму директора.

– Видите ли, я не сразу обратил внимание, точнее, я совсем не обратил, это Мария Всеволодовна заметила... Эта новая учительница, Ирина...

– Да? Что с ней? – Теперь Лара уже совсем была сбита с толку.

– Вы ведь наверняка слышали душещипательную историю, которую Марина тут рассказывала? Лично я отношусь к таким вещам с сомнением. Но... Короче, в качестве своего места работы Ирина указала компанию «Томатос», отдел развития технологий...

Лара сидела молча, пытаясь сложить два и два. Вот оно что... Мария Всеволодовна, видно, вспомнила, что уже видела это название. В прошлом году как раз проводили очередную аттестацию и перезаполняли документы на учителей, в том числе и карточки для собеса по получению пособий на детей. Лара помнила, что в нескольких документах были графы «место работы мужа». Она тогда так и написала: «Компания «Томатос», нач. отдела развития технологий». Но значит, эта Ирина – секретарша мужа? Не может быть! Ирочка, вечно занятая сидением на какой-нибудь диете, веселая, хоть и излишне говорливая блондинка, которую Лара множество раз встречала на корпоративных вечеринках...

– Она такая пухленькая блондинка и много говорит? – спросила Лара, стремясь проверить свои воспоминания.

Юрий Иванович кивнул.

– Но тогда как?.. – И только тут она поняла, чем был вызван этот сочувствующий взгляд и желание предупредить ее. Дело-то вовсе не в совпадении места работы, а в совпадении персоналий. Потому что если это та самая Ирина, то злодей, пытавшийся принудить беззащитную жертву к сексуально-служебным отношениям, – муж Лары Сергей. Ее родной Сергуля, начальник того самого технологического отдела. Мысли закружились лихорадочной каруселью. Как же так? Как он мог? Зачем ему это? И с этой... он хотел эту... И она попыталась представить себе, как ее муж говорит своей секретарше: «Или ты со мной спишь (или как в таких случаях говорят? трахаешься? ложишься в постель? даешь?), или я тебя уволю...»

И тут Лара поняла, что Сергуля этих слов не говорил. И любых других подобных тоже. Потому как не такой он человек. Все-таки, прожив с мужем столько лет, можно быть в чем-то уверенной. Пусть не в верности – мужик есть мужик, и сколько волка ни корми, и все они козлы – это понятно. Но шантажировать женщину – на это Сергуля был органически, просто даже физически не способен. Так она и сказала вслух, глядя на Юрия Ивановича:

– Этого не может быть.

– Да-да, я вас понимаю. Ужасно глупая история и, на мой взгляд, тоже не слишком правдоподобная... Но сейчас вы должны решить, как вам или, если хотите, нам себя вести... Если бы я сообразил сразу, кто эта дама, я просто не взял бы ее на работу – нашли бы мы другую англичанку. Но теперь просто не знаю, что делать, нелепая какая-то ситуация.

– Точно – нелепая. Знаете, – Лара встала, – спасибо, что предупредили меня. Мне надо на урок.

– Да, конечно. – Юрий Иванович, прекрасно изучивший темперамент Лары, был озадачен ее спокойствием. – Но что вы... как нам быть в данных обстоятельствах?

– Не знаю, – честно ответила молодая женщина. – Но я подумаю и... не знаю.

Она кивнула, подхватила сумку и вышла из кабинета. Приемная по-прежнему была пуста, и Лара вздохнула с облегчением. Должно быть, тактичная Мария Всеволодовна сочла за лучшее пока не показываться. Молодая женщина шагнула в коридор. Звонок прозвенел несколько минут назад, и в школе было относительно тихо. Конечно, где-то смеялись, где-то ругались, где-то пели хором, но это и есть школьная тишина. Она заспешила в класс. Надо отдать детям должное, они вели себя довольно прилично в ее отсутствие. Она кое-как проверила домашнее задание, но сосредоточиться на уроке не могла. Поэтому честно сказала:

– Знаете, мне надо просто посидеть и подумать, вы уж меня простите. Давайте до конца урока у нас будет самостоятельная работа. Пишите сочинение на тему... (Господи, на какую тему-то?) Э-э, ну, например: «Самый большой прикол лета». Идет?

Класс недовольно загудел, и она добавила:

– Ребята, пожалуйста... Плохие оценки ставить не буду, потому что о работе не предупредила, но все же постарайтесь – пятерка еще никому не мешала.

Она села за свой стол и, подперев голову рукой, принялась чертить каракули в тетрадке. Ребята недовольно ворчали, но доставали листочки и не шумели. Они были уже достаточно взрослые, чтобы сообразить, что так просто учитель, тем более такой, как Лариса Тимуровна, урок не сворачивает и не утыкается носом в стол. Вскоре все погрузилось в писанину. Конечно, не все писали сочинение – кто-то делал домашнее задание по математике, кто-то перебрасывался записочками, но учительницу никто не дергал, и у Лары была возможность подумать. Что делать? Если не на этой перемене, то на следующей она встретит Ирочку, и та, увидев ее, вытаращит глаза и... И что? Завизжит и убежит? Это вряд ли. Тогда что? Как она отреагирует на неожиданное появление жены этого самого пресловутого начальника? Этого Лара предвидеть не могла. Конечно, можно сделать вид, что они не знакомы. Или знакомы поверхностно... Но... тогда они будут встречаться чуть не каждый день и... разговаривать?

Это невозможно. Подойти к ней и потребовать... чего? Честного ответа? Принуждал Сергуля ее или нет. Опровержения? Лара знала тип людей, к которому принадлежит секретарша мужа, – она никогда не откажется от своей лжи. Даже если приволочь сюда Сергулю. Ирочка будет плакать, и все равно все останутся в уверенности, что она жертва. А она будет выглядеть как дура. Может, сделать вид, что она не знает, кто такая эта новая преподавательница... Не выйдет. Да-а, Юрий Иванович прав – та же Марина моментально почувет неладное в их отношениях и не успокоится, пока не докопается, в чем дело. Да и не одна она в курсе, где работает муж Ларисы. Лара вспомнила, как при подготовке любых посиделок, как только речь заходила о покупке продуктов, кто-нибудь обязательно говорил: «Ну а кетчуп принесет Лариса Тимуровна». Она смеялась вместе со всеми и послушно покупала кетчуп... Как отреагируют коллеги, интересно? Пожалуют? Кто-то пожалеет, как обманутую жену. Кто-то посмеется. Кто-то посочувствует. Но ей не хотелось становиться объектом насмешек или жалости.

И вдруг закралось сомнение – грызущая, зудящая мысль – а если это правда? Если он действительно домогался ее, эту толстую дурочку? «Может, я ему наскучила? Столько лет вместе... Нет, эти мысли сейчас допускать нельзя. Я их буду думать дома, потому что тогда можно будет и поплакать, и пошвырять что-нибудь в стенку. А сейчас мне надо решить, как я буду жить дальше в этой школе».

И тут Лара поняла, что не хочет тут оставаться. Она любила свою работу и ребят, она всегда очень привязывалась к ученикам. Да и ребята к ней хорошо относились. Но приход сюда Ирочки и эта глупая сплетня словно испачкали и опошлили все вокруг. Каждое утро она будет идти в школу и думать, как разминуться с этой... Потом начнет ловить на себе любопытные взгляды, потом коллеги начнут шептаться за спиной... Ну нет.

Значит, заявление на стол. Жаль. Даже не просто жаль, а обидно ужасно. Завуч расстроится, и Юрий Иванович тоже. Но ничего. «Как-нибудь я переживу и они тоже. А эта... Я хочу посмотреть ей в глаза», – сказала себе Лара. Просто посмотреть. Но конечно, это была неправда. Вопреки голосу рассудка, который твердил: это бесполезно, такой человек правду не скажет, она все-таки надеялась услышать – что? Извините, я все выдумала?

Лара встала и заходила по проходу между партами. Потом спросила:

– Ребятки, кто-нибудь знает, кому досталась новая англичанка?

Ученики загудели. Посыпались разные версии, но всех уверенно перекрыл ломающийся басок зеленоглазого Костика:

– Она сейчас в 5-м «Б», мне брат сказал, что у них сегодня будет вести новая училка. То есть, ну, учительница.

– Спасибо. Сидите тихо, я сейчас.

Она вышла из класса и побежала на второй этаж. Так, вот на стене расписание. Где у нас сейчас 5-й «Б»? В 36-м кабинете. Чудненько. Обратном вверх. У двери 36-го кабинета она прислушалась. Потом решительно распахнула дверь и встала на пороге.

Краем глаза Лара видела обращенные к ней лица ребят. Но смотрела только на Ирочку. Конечно, это была она. Тот же зеленый костюм плотно обтягивал пышный бюст, волосы собраны в дурацкий пучок – должно быть, эта дурочка полагает, что учительница обязательно должна носить строгую прическу. Ирочка растерялась. Глаза у нее стали круглые. Рот приоткрылся, и с губ слетел какой-то полузадушенный писк.

Лара поймала себя на том, что отчества ее не знает, а потому сказала только:

– Выйдите на минутку, пожалуйста.

Но та словно примерзла к месту. Так и стояла, вцепившись в край стола и глядя на Лару круглыми глазами.

– Я вас жду.

Глядя на нее, словно кролик на удава, Ирочка подошла-таки к двери и даже сделала шаг за порог. Но дальше не пошла, вдруг испугавшись чего-то. Она вцепилась рукой в косяк, и Лара, сообразив, что та сейчас кинется обратно в класс, быстро спросила:

– Мы здесь только вдвоем. И я ухожу из этой школы, так что мы больше не увидимся. Но скажи, скажите мне правду – он... Сергей... вас... действительно домогался?

Прозвучало это ужасно глупо, и Лара рассердилась на себя. За то, что пришла к этой... вместо того чтобы послушать собственный здравый смысл, за то, что эта дура испортила ей удовольствие от работы.

– Ну же... Отвечайте!

Но Ирочка только мотнула головой и крепче вцепилась рукой в косяк, словно боялась, что Лара куда-нибудь ее потащит. Чтоб тебя, Лара злилась все больше.

– Вы все это придумали? Ну?

Опять мотает головой. Кукла чертова. Неожиданно даже для самой себя Лара с размаху влепила ей пощечину и, глядя в круглые и пустые от ужаса глаза, твердо сказала:

– Б...дь такая.

Та схватилась рукой за щеку и тоненько заверещала. Лара повернулась и пошла по коридору. От урока оставалось еще пятнадцать минут. Она вошла в класс, села на край стола и сказала:

– Знаете, ребята, давайте, кто хочет, прочтите свои сочинения. Если будет хорошо – поставлю пятерки.

Нашлось несколько добровольцев. Лара слушала внимательно, привычно исправляя погрешности стиля и ошибки. Потом сказала:

– А теперь давайте прощаемся. Это наш последний урок. Я ухожу из школы.

Ребята взволнованно загудели. На короткое время ее согрело их искреннее сожаление, и она чуть не расплакалась, обнаружив, что они действительно расстроились. Но они это переживут. За перемену она написала заявление об уходе. Оставалось еще три урока. Все рабочее время Лара провела в классе, не имея ни малейшего желания идти в учительскую. Правда, очень хотелось курить. Тогда она заперла дверь на большой перемене, открыла окно, села на подоконник и с наслаждением курила, щурясь на еще теплое солнце и рассматривая школьный двор внизу.

После уроков она пошла в приемную директора. Мария Всеволодовна что-то печатала на машинке и при виде Лары сообщила, что директора нет.

– Жаль. Тогда передайте это ему, пожалуйста. – Лара положила перед ней листок с заявлением. – Я с завтрашнего дня на больничном, а за документами приду на следующей неделе.

– Я думаю, вы поступаете опрометчиво, Лариса Тимуровна. – Мария Всеволодовна печально смотрела на нее. – Почему бы вам не подождать с этим? – Она кивнула на бумагу. – Подумайте спокойно...

– Нет. Я уже все обдумала. До свидания. – И Лара ушла.

Глава 5

Вернувшись домой, она впала в какую-то растерянность. Что-то надо было делать, но что? Позвонила районному врачу и договорилась о больничном, потом пошла в кухню. Открыла холодильник, но есть не хотелось. Налила кофе и вернулась в комнату. Села перед телевизором. Теперь она безработная. Позвонить мужу? Смысл-то какой? Придет вечером, тогда и поговорим. Потом Лара вскочила и метнулась в спальню. Распахнула шкаф. Один за другим она вытаскивала костюмы Сергея. Выворачивала карманы. Обнюхивала, осматривала. Потом перешла к его столу. Бумаги, блокноты, жаль, нет записной книжки – она у него с собой. «А что я думаю там найти? Телефоны его сотрудников? Ирочки? А почему нет? Отдел достаточно молодой, часто встречались помимо работы, куда-то ездили.

Я ведь знаю, что это неправда, не мог мой Сергуля. Это я бываю сумасшедшей, особенно весной накатывает что-то темное и тащит за собой». Звуки и краски становятся ярче и резче, и тогда ей требуется выплеснуть это на кого-то. «Да, – Лара взглянула на себя в зеркало, – я такая, и ничего с этим не поделаться». Но муж – он нормальный и спокойный. Она всегда знала, о чем Сергей думает, всегда с полуслова понимала, что он чувствует. Само собой, иногда она устраивала сцены, или они ссорились, но это было как-то не всерьез. И Сергуля знал, что это не всерьез, что ей просто нужно покричать, пошуметь, иной раз уйти из дому, хлопнув дверью. В таких случаях Лара шла гулять. Просто ходила по городу до изнеможения. Сергуля подшучивал над женой, говорил, что у нее темперамент как у восточной женщины, а она лишь улыбалась, четко понимая, что есть граница, которую нельзя перейти. Потому что муж человек серьезный и если что – он не простит. Это Лара знала наверняка, хоть они и ни разу об этом не говорили. Просто инстинкт подсказывал ей не переступить черту. И муж никогда не стал бы ей лгать. Если бы другая женщина появилась в его жизни – она почувствовала бы. А скорее всего, Сергей сказал бы сам, не захотел бы лгать. Она устала на вещи мужа, разбросанные по комнате. Идиотка. Теперь все убирать.

Лара аккуратно собрала все вещи, разложила и развесила по местам. Потом достала пылесос и принялась за уборку. Ей вдруг показалось, что в доме пыльно и душно. Она почистила ковры, вымыла пол, ванну и туалет, вытерла пыль. Квартира не слишком большая – стандартная двушка, правда, с планировкой им повезло – кухня десять метров и небольшой холл значительно увеличивали жизненное пространство. Лара устала, но ей все казалось, что надо сделать что-то еще. После перекура она решила помыть цветы: это трудоемкое дело, и оно обещало полную занятость еще на час как минимум. Цветов у нее довольно много, правда, в основном то, что называется декоративно-лиственные. Короче, было много зеленых и пестрых листьев, но цвели они как-то нерегулярно. Она по очереди таскала тяжелые горшки в душ, пристраивала их в ванну на специальной табуреточке и осторожно поливала из лейки отстоявшейся водой. Часть листьев требовалось еще и протереть, а один огромный фикус и монстеру Лара регулярно натирала специальным воском, купленным за такие деньги, что стыдно сказать. Листья приобретали потрясающий блеск и значительно меньше пылились. В разгар операции «Душ» домой явился Данила. С удивлением уставился на взмыленную Лару:

– Ты чего это, мам?

– А что?

– Ты их мыла на прошлой неделе.

– Черт. Правда. – Лара, опустив лейку, тупо посмотрела на цветы. Потом упрямо сказала: – Ну и что? Ты же тоже каждую неделю моешься – может, и им понравится.

– Ну ты даешь! Смотри не ляпни где такое. А то люди и правда подумают, что я моюсь раз в неделю...

Он ушел в кухню, и через некоторое время его голос долетел, приглушенный недрами холодильника, куда он растерянно таращился:

– Мам, а что у нас на обед?

– На обед? – Лара, сидевшая на краю ванной и тупо возившая тряпочкой по листьям спатифиллума, встрепенулась. Ах ты господи, она забыла, что собиралась проверить мясо и сделать картофельную запеканку. Чем же его кормить?

Отпихнув сына, она сама залезла в холодильник. Так. Творог, сыр... банка шпрот, а в морозилке? Кажется, там должны быть пельмени.

– Поставь воду и свари себе пельмени.

Лара плюхнулась за стол и притянула к себе пепельницу.

Данила некоторое время гремел посудой, потом спросил:

– Ты будешь?

– Нет.

– Мам, что-нибудь случилось?

– С чего ты взял?

– Ты какая-то... нервная.

– Нет, ничего.

– Мне в школе сказали, что вроде ты уволиться хочешь?

Ах, сплетники малолетние. Как бы ему это объяснить, чтобы ничего не объяснять?

– Знаешь, я действительно нервная и действительно хочу... поискать себе другую работу. Я... тебе попозже все расскажу, ладно?

– Как хочешь.

Лара беспокойно заерзала на стуле, глядя в спину сыну, который мешал пельмени у плиты.

– Не сутулься, – сказала она машинально, потом, помедлив, добавила: – Я просто не знаю, как тебе рассказать. Может, это у меня кризис среднего возраста начался – перемен хочется.

– Климакс, что ли?

– Балда! Климакс – это после пятидесяти, а я еще, можно сказать, девушка.

Данила ухмыльнулся:

– Смотри, как бы не стать бабушкой.

– Нас не запугаешь, – храбро ответила Лара, но, встав так, чтобы сын не видел, перекрестилась, поплевала через левое плечо и скрестила пальцы. В бабушки пока не хотелось.

– Ну и куда ты решила податься?

– Не знаю еще. – Женщиной вновь овладели раздражение и беспокойство.

Нет, тут думать невозможно, надо где-то уединиться. Пойти в комнату? Она все равно будет инстинктивно прислушиваться, что делает сын за стеной... Намекнуть, чтобы сходил погулял? Она выглянула в окно. Похоже, собирался дождь. Ветер гнул деревья, торопливо срывая лиственные одежки, – они отслужили сезон и вышли из моды. Весной деревья оденутся в новую коллекцию все того же кутюрье.

Нехорошо как-то выгонять ребенка из дому. Пожалуй, ей самой не помешает проветриться. Она торопливо оделась: джинсы, белый свитер, синяя куртка из плащовки. Белые кроссовки – универсальный наряд для городской улицы. Крикнула сыну «Я ушла!», вышла из подъезда, торопливо застегнула куртку – ветер стал холодным и злым, всего за пару часов превратив золотую осень в промозглую межсезонье. Женщина дошла до метро, доехала до центра и неспешно побрела куда глаза глядят, углубляясь в старые московские улочки.

Ах, эти улочки...

Машин на них все больше, а тротуары, сколько их ни ремонтируют, все равно всегда в ямах, и люки торчат в самых неподходящих местах. Наверное, асфальт крошится от топота

множества ног... Она тоже когда-то исходила их все, улица за улицей, переулок за переулком. Конечно, не одна. Иногда они гуляли с Сергулей, но нечасто. Сергуля Москву любил, но терпеть не мог много ходить пешком, и красоты архитектуры его быстро утомляли. Через полчаса он начинал намекать, что самое время найти какой-нибудь укромный уголок, где можно было бы присесть и где их поцелуям не мешали бы укоризненные взгляды прохожих.

Надо сказать, что дело не всегда ограничивалось поцелуями. Лара тихонько хихикнула, вспомнив, как однажды вечером в парке на них набежал милицейский патруль. Она едва успела соскользнуть с колен Сергея и одернуть юбку. Муж – да, точно, они были женаты уже год – неторопливо и уверенно извлек из кармана рубашки паспорт, улыбаясь протянул ментам, те полистали и, откозыряв, отошли. Хорошо, что ему не пришлось вставать: Сергей был в свитере, и никто не заметил, что брюки у него расстегнуты, и, встань он, они просто соскользнули бы... Так что их с Сергеем карта Москвы состояла не только из мест прогулок.

А вот гуляла она много с другим. Звали его Андрей, и он был похож на Блока в молодости: вьющиеся волосы, нервное, худощавое, но несомненно породистое лицо. Это был такой тайный роман, немножко непорядочный, хотя ничего между ни ми не было. Она любила Сергея и хотела за него замуж. Они уже все решили и осенью собирались пожениться. Но обидно было выйти замуж вот так – ведь мама говорила, да и вообще понятно было, что замужняя женщина – она цветов ни от кого не принимает, в кино с другим не пойдет и вообще... А это было так забавно. В конце концов, она всего-то ходила в десятый класс. И Лара точно знала, что Сергей ни о чем не узнает. Не должен узнать. Они созданы друг для друга – это не подлежало сомнению, хотя бы потому, что девушка всегда знала, чего он не потерпит. Сергуля, несмотря на всю кажущуюся мягкость, никогда не согласится делить ее с другим. Ни сейчас, ни потом. А потому ей ужасно хотелось хоть представить себе, как это могло бы быть – с другим. Андрей был студентом мехмата, и было ему уже солидно – сколько же ему тогда было? Да, лет двадцать пять. Познакомились они случайно. Лара шла в гости к знакомой, которая жила не в каком-нибудь нормальном районе типа Строгина или Марьино; нет, девушка обреталась в самом что ни на есть историческом центре нашего славного города. Проклиная все на свете, Лара шла по раздолбанным тротуарам, снег с которых не чистили никогда. Больше всего она боялась оступиться – не так-то просто топтать по ледышкам в замшевых сапогах на шпильках. Поэтому девушка смотрела себе под ноги, прозевала нужный переулок и заплутала. Через некоторое время она остановилась, так как перестала понимать, где находится.

Впереди вдруг открылась набережная, а на углу – какой-то невероятный, абсолютно немосковский дом красного кирпича. Лара позабыла, куда шла, и, приоткрыв рот, таращилась на угол дома, который представлял собой совершенно готическую башенку, увенчанную длинным шпилем-шатром. Над ним или, вернее, фоном для него громоздилась еще одна башня – на этот раз основательно четырехугольная. Но и на этом чудеса не кончались. Крыша здания представляла собой нечто совершенно несусветное, словно кто-то, балуясь, сложил лист причудливыми складками и шутки ради увенчал дом многими гранями, соприкасающимися под разными углами. Лара пошла вдоль одной из стен и обнаружила на ней теремок. Самый что ни на есть настоящий теремок – витые столбики, снизу конструкцию подпирают какие-то вполне сказочные чудовища. А потом оказалось, что часть стен расцвечена изразцами. Керамические панно, покрытые городской пылью, больше обещали, чем показывали, но Лара разглядывала их с восторгом и все пыталась представить себе, каково это – жить в таком волшебном доме.

Лара брела, не глядя под ноги и прикидывая, как бы запомнить дорогу, потому что сюда просто необходимо вернуться с фотоаппаратом. Само собой, каблук ее суперсапожек попал в какую-то засаду, когда она влезла в сугроб, и она упала бы, не подхвати ее чьи-то руки. Насмешливый голос над самым ухом произнес:

– Вы не боитесь переломать ноги, девушка?

Он стоял на тротуаре совсем близко. Зеленые глаза смеялись, волнистые волосы трепал ветер.

– Я хочу узнать, как это называется.

– Что это?

– Ну, дом.

– Зачем?

– Интересно.

– Да? – Он удивленно разглядывал любопытную девчонку. Каштановые волосы, смело подстриженные асимметричным каре. Карие с желтыми точками глаза чуть восточного разреза и скулы высоковаты для славянки. Яркий от помады рот... Вульгарно, но она еще мала. А губы хорошего рисунка. Юбка, само собой, выше некуда. С высоты своих двадцати пяти Андрей усмехнулся: молодежь...

– Это так называемый доходный дом Перцовой, построен в начале двадцатого века, – пояснил он снисходительно.

– Ну и чудненько. – Лара попыталась выбраться из сугроба и опять чуть не упала.

Молодой человек ловко обхватил ее за талию и буквально выдернул из снежной ловушки. Поставил на тротуар и, все еще придерживая за талию, спросил:

– А почему такая модно прикинутая девушка интересуется старыми домами?

– Потому что мне нравится! И я вернусь сюда и буду его снимать!

– Вы увлекаетесь фотографией?

– Ну, в общем да. Только я снимаю не все... только то, что мне нравится. Части, понимаете? Чтобы было не как на открытках, а как видишь... Иногда даже получается – так, как чувствуешь! – гордо выпалила Лара, замороженно глядя в зеленые глаза и удивляясь, с чего это ее понесло откровенничать с незнакомым человеком.

– Было бы любопытно взглянуть... Пойдем прямо сейчас?

– Куда?

– За фотоаппаратом! Заодно и покажете, как можно снять то, что чувствуешь.

– Ну уж нет, быстрый какой... Сейчас я иду в гости. А кстати, вы не знаете, где тут

Пожарский переулок?

– Идемте, я вас провожу. – Он решительно взял девушку под руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.